ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ
ТАЙНА ДОМА С ЧАСАМИ
ДЖОН БЕЛЛЭРС
AMBLIN ENTERTAINMENT
ЧИТАЙТЕ КНИГУ – СМОТРИТЕ ФИЛЬМ
UNIVERSAL
A COMCAST COMPANY

Льюис Барнавельт

Джон Беллэрс

Тайна дома с часами

«АСТ»

1973

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Беллэрс Д.

Тайна дома с часами / Д. Беллэрс — «АСТ», 1973 — (Льюис Барнавельт)

ISBN 978-5-17-110283-8

Десятилетний Льюис и не подозревал, что его ждет при переезде в таинственный особняк под номером 100 по Хай-стрит.Дядя Джонатан и его добрая подруга миссис Циммерман радушно приняли мальчика, но Льюиса не покидает ощущение, что дом с башней скрывает какую-то мрачную тайну. Зачем в доме столько часов? И зачем дядя Джонатан бродит каждую ночь, то и дело отключая их?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110283-8

© Беллэрс Д., 1973
© АСТ, 1973

Содержание

Глава первая 7
Глава вторая 16
Глава третья 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Джон Беллэрс
Тайна дома с часами

John Bellairs
THE HOUSE WITH A CLOCK IN ITS WALLS

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

© THE HOUSE WITH THE CLOCK IN ITS WALLS © John Bellairs, 1973
© «THE HOUSE WITH A CLOCK IN ITS WALLS» A UNIVERSAL RELEASE © 2018 Universal Studios and Storyteller Distribution Co., LLC
© Е. Смотрова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Присцилле,
которая позволяет мне быть собой

Глава первая

Льюис Барнавельт ерзал и обтирал потные руки о сиденье рычащего автобуса, следующего до Нью-Зибиди. На дворе стоял теплый летний вечер 1948 года. Там, за окнами автобуса, порывисто завывал ветер. Сквозь плотное стекло Льюис наблюдал, как под лунным светом колышутся деревья.

Он взглянул на свои фиолетовые брюки из рубчатого вельвета, из тех, что шуршат во время ходьбы. Затем пригладил волосы, уложенные гелем и расчесанные на прямой пробор. Ладонь стала масляной, и Льюис, недолго думая, вытер ее о сиденье. Губы его шептали одну из молитв, которые читают алтарники:

«Quia tu es Deus fortitudo mea quare me reppulisti quare tristis incedo dum adfligit me inimicus?»[1]

Льюис попробовал извлечь из памяти еще какие-нибудь строки, но в голове вертелся только один вопрос:

«Quare tristis es anima mea: et quare conturbas me?»[2]

Он подумал, что кроме: «Куда я еду? Кого я там встречу? Я им понравлюсь? Что со мной будет?» – ему в последнее время ничего не приходит на ум.

Льюису было десять лет. До недавних пор он жил с родителями в городке неподалеку от Милуоки. Его мама и папа недавно погибли в автокатастрофе, и теперь мальчик вынужденно переезжает в город Нью-Зибиди в мичиганском округе Капернаум. Там он поселится у дяди Джонатана, которого едва знает. Кое-что Льюис о своем дяде слышал: тот пил, курил и играл в покер. По меркам католической семьи недостатки не такие уж большие, но воспитанный двумя незамужними тетушками-баптистками, Льюис был заранее предупрежден о привычках дяди Джонатана. Мальчик лишь надеялся, что эти предостережения окажутся бесполезными.

---

[1] «Ты – Бог, крепость моя. Почему ты отверг меня? Почему я скитаюсь плача, оскорбленный моим врагом?» *(примеч. пер.)*

[2] «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?» *(примеч. пер.)*

Автобус плавно повернул, а Льюис посмотрел на свое отражение: на круглое полное лицо и лоснящиеся щечки. Его губы продолжали шептать. Льюис снова принялся проговаривать молитвы алтарников, и на сей раз всем сердцем просил, чтобы Бог помог ему понравиться дяде Джонатану: «Judica me Deus… Суди меня, Боже… нет, не суди, лучше помоги мне, я очень хочу быть счастливым».

В пять минут восьмого автобус остановился в Нью-Зибиди, у аптеки. Льюис поднялся с места, обтер ладони о брюки и дернул за ручку огромный фибровый чемодан, лежавший на полке для багажа. Отец купил этот чемодан в Лондоне еще в конце Второй мировой войны. Саквояж со всех сторон был облеплен наклейками транспортной компании «Кунард Лайн», потертыми и поцарапанными. Льюис с такой силой потянул багаж на себя, что чемодан грозил приземлиться мальчику на голову. Отклонившись, Льюис постарался удержать опасно нависнувшие пожитки, но не удержался на ногах и шлепнулся на сиденье: чемодан бухнулся ему на колени.

– Ну что ж ты, давай хоть познакомимся, пока не убился.

В проходе стоял мужчина с кустистой рыжей бородой, прочерченной тут и там несколькими белыми прядями. Брюки цвета хаки обтягивали округлый живот, а поверх голубой рубашки был надет красный жилет с золотыми пуговицами, на котором Льюис заметил четыре кармана: из двух верхних торчали ершики для чистки трубки, два нижних соединяла цепочка из скрепок, одним концом цепляющаяся за коронку золотых часов.

Джонатан ван Ольден Барнавельт вынул изо рта дымящую трубку и протянул мальчику руку:

– Здравствуй, Льюис. Я твой дядя Джонатан. Узнал тебя по фотографии, которую как-то присылал твой отец. Добро пожаловать в Нью-Зибиди.

Пожав дяде руку, Льюис заметил, что тыльная сторона ладони Джонатана покрыта ковриком упругих рыжих волос. Этот коврик не ограничивался ладонью, а скрывался где-то под манжетом рубашки. «Интересно, – подумал Льюис, – весь ли дядя покрыт рыжими волосами».

Джонатан поднял чемодан и направился к выходу из автобуса.

– Боже мой, ну и громадина! К ней уж стоило бы приделать пару колесиков. Ох! Ты что, свой дом на кирпичи разобрал и с собой прихватил?

Услышав про дом, Льюис заметно опечалился, и Джонатан решил сменить тему. Прочистив горло, он начал:

– Ну что ж, повторюсь, добро пожаловать в округ Капернаум и красивейший исторический городок Нью-Зибиди; население шесть тысяч человек, и продолжает… не расти.

Где-то наверху загрохотали часы.

Джонатан замолчал. Резко остановился, уронив чемодан, его руки безвольно повисли. Льюис испуганно смотрел на дядю. Глаза мужчины застыли и заблестели.

Часы отбивали удар за ударом. Мальчик поднял голову. Звук шел от высокой кирпичной башни через дорогу. Своды колокольни напоминали морду с широко распахнутыми глазами и раскрытым в крике ртом, сразу под которым висел большой блестящий циферблат с железными цифрами.

Бом, – еще удар. Колокол был большой, железный и гулкий, и звук его вызывал у Льюиса чувство безнадеги и беспомощности. Почему-то колокола всегда действовали на него подобным образом. Но что с дядей Джонатаном?

Бой часов прекратился. Джонатан вышел из транса. Он резко потряс головой и неуклюже поднял руку к лицу. Дядя сильно вспотел, судорожно протер лоб и распаренные щеки.

– Хм. Ох. Хм-м. Ох, прости, Льюис. Я… я только что вспомнил, что оставил… оставил на огне кипящий чайник. Я иногда впадаю вот в такое оцепенение, когда вспоминаю что-нибудь, о чем забыл, ну или наоборот, что ли. Дно у чайника наверняка теперь испорчено. Пойдем. Пойдем поскорее.

Льюис с подозрением глянул на дядю, но ничего не сказал. Они продолжили путь.

Покинув хорошо освещенную Мэйн-стрит, Льюис и дядя Джонатан вскоре торопливо шагали по длинной обсаженной деревьями аллее под названием Мэншн-стрит в сторону глубокого тоннеля. На дороге разливались лужи фонарного света. Джонатан расспрашивал племянника об учебе и о спортивных успехах Джорджа Келла[3]. В Мичигане, как решил дядя Джонатан, Льюису придется болеть за «Тайгерс». Дядя наконец перестал жаловаться на тяжелый чемодан, но временами останавливался, опускал кофр на дорогу и разминал покрасневшую руку.

Льюису казалось, что дядя Джонатан в темноте говорит громче, чем при свете уличных фонарей, но почему, было непонятно.

Взрослым не положено бояться темноты, да и шли они не по мрачной пустой улице. В большинстве домов по обе стороны горел свет, было слышно, как смеются, разговаривают и хлопают дверьми их обитатели. Дядя казался Льюису странным, но мальчику эта странность скорее нравилась.

На углу Мэншн-стрит и Хай-стрит Джонатан остановился. Перед почтовым ящиком с надписью «Только для писем» мужчина поставил чемодан и сел на него.

– Нам в дом на вершине холма, – отдышавшись, пояснил Джонатан.

Хай-стрит[4] в свое время получила правильное название. Улица поднималась наверх и дядя с племянником шли, наклонившись вперед и медленно переставляя ноги. Льюис то и дело предлагал дяде помочь с чемоданом, но тот каждый раз отказывался, уверяя, что справится сам. Мальчик уже жалел, что притащил с собой столько книг и свинцовых солдатиков.

На вершине холма Джонатан вновь опустил чемодан. Затем достал пестрый платок и промокнул лицо.

– Вот и они, владения Барнавельтов. Как тебе?

Льюис осмотрелся.

Перед ними возвышался трехэтажный каменный особняк с высокой башней. Во всем здании горел свет. Свет лился даже из верхнего овального окошка, в окружении отделочной плитки похожего на глаз. Перед домом раскинулся каштан. Его листья тихо шелестели под порывами летнего ветерка.

Закинув руки за спину и широко расставив ноги, Джонатан постоял немного по стойке «вольно». Затем повторил:

– Как тебе здесь, а, Льюис?

– Очень здорово, дядя Джонатан! Мне всегда хотелось жить в особняке, а это определенно похоже на особняк.

Льюис подошел к вычурной ограде и потрогал одно из железных украшений, рассыпанных по всему ограждению. Затем уставился на вывеску с цифрой «100», набранной из красных стеклянных светоотражателей.

– Дядя Джонатан, он настоящий? Дом, я имею в виду.

Джонатан растерянно взглянул на мальчика.

– Да… Да, конечно. Настоящий. Давай-ка зайдем внутрь.

Джонатан дернул петлю шнурка, на который закрывались ворота. Те со скрипом отворились. Льюис зашагал к дому, и Джонатан пошел следом, волоча за собой чемодан. Они поднялись по ступенькам и вошли в дом: в передней оказалось темно, и только в дальнем конце коридора мелькал свет. Дядя поставил на пол чемодан и приобнял Льюиса.

---

[3] Американский бейсболист, в период 1947–1952 гг. выступающий за команду «Тайгерс Детройт» *(здесь и далее примеч. ред.).*

[4] Хай-стрит (*англ.* High Street) – может переводиться как «верхняя улица».

– Ну что ж, заходи, не стесняйся. Теперь это твой дом.

Льюис оглядел внушительную переднюю и направился к ближайшей двери. Путь, казалось, занял целую вечность. Дойдя наконец, Льюис попал в комнату, залитую желтым светом. На стенах висели картины в тяжелых позолоченных рамах, каминную полку загромождали самые неожиданные вещи; посреди комнаты стоял круглый стол, а в углу – седая женщина в мешковатом фиолетовом платье. Она прижималась ухом к стене и прислушивалась.

Льюис остановился, глядя на нее. Мальчику стало неловко, – он будто случайно помешал кому-то заниматься тем, чего делать не стоит. Ему показалось, что они с Джонатаном вошли довольно шумно, но эта леди, кем бы она ни была, похоже, не услышала. Удивилась и смутилась, как и сам Льюис.

Теперь же она выпрямилась, поправила платье и весело поздоровалась:

– Привет. Я миссис Циммерман, соседка.

Льюис вдруг осознал, что смотрит на одно из самых морщинистых лиц, которые ему доводилось видеть. Но глаза незнакомки выражали дружелюбие, а морщины сложились в узор, обычно сопровождающий улыбку. Они пожали друг другу руки.

– Флоренс, это Льюис, – представил племянника Джонатан. – Помнишь, Чарли про него писал? Автобус в кои-то веки пришел вовремя. Наверное, для этого подвига водителю пришлось напиться. Эй! Ты что, воруешь мои монеты?

Джонатан подошел к столу. Только теперь Льюис обратил внимание, что на красной клетчатой скатерти разложены монеты – кучками и столбиками. Монеты самые разные, а большая часть из них – иностранные: похожие на пончик арабские со скаутскими узлами, кучка темно-коричневых медяков, на которых был изображен лысый мужчина с подкрученными вверх усами, большие тяжелые английские пенни, с которых с разной степенью суровости глядела королева Виктория, и крошечные серебряные монетки не толще человеческого ногтя. Не обошлось и без серебряного мексиканского доллара, напоминавшего по форме яйцо, и настоящей римской монеты, покрытой зеленой ржавчиной. Большей же частью в столбики были сложены блестящие золотом латунные кругляшки с надписью «Bon Pour Un Franc»[5]. Льюису понравилась гравировка, но французского он не знал, и потому все вертел фразу в уме, пока из «Бон пор ун франк» у него не вышло «Бум-бум, господин Фрэнк».

– Не брала я твои ненаглядные Дублоны Брашера[6], – раздраженно бросила миссис Циммерман, – Просто подровняла столбики. Понятно, рыжая метелка?

– Столбики подровняла. Такого я не слышал еще, карга старая! Но неважно, потому что сейчас нам надо их разделить на три части. Льюис, ты умеешь играть в покер?

– Да, но мой папа мне не… – мальчик запнулся. Джонатан увидел, что у ребенка на глаза навернулись слезы. Льюис подавил всхлип и продолжил: – Мой отец ни за что не разрешил бы мне играть на деньги.

– О, на деньги мы не играем, – со смехом успокоила мальчика миссис Циммерман. – Если бы играли, я бы давно забрала этот дом себе, да и все, что в нем есть, тоже.

– Черта с два, – возразил Джонатан, перетасовывая карты и выпуская клубы дыма. – Черта с два. Ну что, разложишь монетки, страшила? Нет? Тогда дилер решит, что кому. А первым сдаю я. Только без всяких хитрых девчачьих игр, никаких «Выкинь первую карту» или там «Ночной сорочки Джонни»! Играем в простой пятикарточный дро[7]. Ничего эдакого.

Он снова выпустил клуб дыма и готов был уже начать сдавать карты, но заметил лукавую улыбку на лице миссис Циммерман.

---

[5] Один франк.

[6] Монета «Дублон Брашера» – первая золотая монета США с долларовым номиналом, отчеканенная в 1787 году ювелиром Ефраимом Брашером. Монета получила название «дублон», поскольку весила примерно столько же, сколько испанский золотой дублон, широко распространенный в колониальной Америке.

[7] Одна из классических разновидностей покера.

– Да, кстати, – сказал он ей. – Принеси-ка Льюису холодного чая, и мне налей. Без сахара. И захвати печенья с шоколадной крошкой.

Миссис Циммерман встала и сложила руки в услужливом жесте.

– Как подать Ваше печенье, сэр? По одному запихать в рот или раскрошить и засыпать за ворот?

Джонатан показал ей язык и повернулся к племяннику:

– Не обращай на нее внимания, Льюис. Она думает, что умная, раз окончила больше колледжей чем я.

– Я бы и без того умнее была, куст горелый. Извините, ребята. Сейчас принесу, – сказала соседка, повернулась и ушла на кухню.

Пока она не вернулась, Джонатан решил раскидать колоду для практики. Льюис поднял сданные карты и заметил, что они старые и потертые. У большей части были оторваны уголки. И все же на голубых выцветших рубашках чуть поблескивала круглая золотая печать с лампой Алладина. Сверху и снизу красовались надписи:

Графство Капернаум

ОБЩЕСТВО ВОЛШЕБНИКОВ

Когда миссис Циммерман принесла печенье и холодный чай, игра началась по-настоящему. Джонатан собрал карты в стопку, как настоящий профессионал: те издали характерное «т-р-р-р», соединяясь в колоде. Перетасовав, дядя начал сдавать. Удобно и по-домашнему устроившись, Льюис потягивал холодный чай.

Компания играла до полуночи, у Льюиса даже замелькали перед глазами красные и черные пятна. Табачный дым висел над столом слоями, под светом торшера образуя колонну. Напольная лампа напоминала волшебную, нарисованную на картах. В игре было кое-что совершенно чудесное: Льюис побеждал, и побеждал очень часто. Вообще ему редко везло, но сейчас у него в руках оказывались одни флеши, флеш-рояли и каре. Не каждый раз, но все же мальчик стабильно оказывался победителем.

Может, причиной было то, что Джонатан и вправду плохо играл. Тут миссис Циммерман не обманула. Едва у него на руках оказывались приличные карты, он фыркал, издавал смешок, а из уголков рта с силой вырывались струйки табачного дыма. Если же расклад был не так хорош, бородач мрачнел и нетерпеливо пожевывал кончик мундштука. Миссис Циммерман играла отлично и блефовала так, что могла оставить противника без штанов, имея в руке унылую пару двоек, но тем вечером карта ей не шла. Наверное, поэтому Льюис выигрывал. Может быть. Но у него были сомнения на этот счет.

Во-первых, мальчик был уверен, что раз или два, когда он тянулся за сданной ему картой, та менялась. Притом менялась на ходу – пока он ее поднимал. Когда сдавал Льюис, такого не случалось, но стоило Джонатану или миссис Циммерман взять колоду в руки, как тут же происходили необъяснимые превращения. Несколько раз, когда Льюис собирался было пасовать, глянув напоследок на свои карты, он замечал, что расклад у него хороший. Странно это было.

Часы над камином издали «х-р-р-р», будто прочищая горло, и начали отбивать полночь. Льюис бросил взгляд на дядю Джонатана, который, сидя на стуле, весь подобрался и затянулся трубкой. Или просто сосредоточился? Казалось, мужчина к чему-то прислушивается.

Часам над камином начали вторить другие. Льюис сидел, как зачарованный, слушая звонкие «динь», жестяные «дон», мелодичные электронные позвякивания, похожие на дверной звонок, трели кукушек, низкие раскатистые «бом-бом» китайских гонгов. Звуки разносились по дому, и их повторяло эхо. Пока не смолк концерт, Льюис поглядывал на Джонатана. Тот на

мальчика даже не посмотрел, уткнувшись взглядом в стену; глаза его вновь застыли. Миссис Циммерман разглядывала скатерть.

Старинные напольные часы в кабинете пробили последними. Их бой напоминал грохот набитого жестяными тарелками походного чемодана, который медленно и печально падает с лестницы. Когда бой часов утих, Джонатан поднял взгляд.

– Хм… Итак. На чем мы остановились? А, Льюис, уже полночь? Тогда заканчиваем с игрой. Пора спать.

Джонатан быстро прибрался на столе. Собрал игральные карты, сложил их и скрепил резинкой, громко щелкнувшей, когда он ее отпустил. Затем склонился под стол и вытащил красную жестянку из-под конфет с нарисованным на крышке зданием местного окружного суда. В жестянку отправились звенящие монеты. Джонатан закрыл крышку, отодвинулся на стуле, вытряхнул пепел в блюдце и сложил руки на коленях.

– Итак. Ну и как тебе дом номер 100 по Хай-стрит, Льюис?

– Мне кажется, тут удивительно, дядя Джонатан. Мне понравился дом, и город, и вы оба мне очень понравились!

Льюис не врал. Несмотря на странности поведения Джонатана и вредную привычку подслушивать, свойственную миссис Циммерман, он хорошо провел первый вечер в Нью-Зибиди. На самом деле, большую часть вечера он еле удерживался от того, чтобы не начать подскакивать на стуле от радости. Но он знал, что в обществе так делать не принято.

Джонатан отнес чемодан Льюиса наверх, и мальчик наконец увидел свою комнату: высокая черная кровать с изголовьем и изножьем, в углу зеркало с рамой под цвет кровати, рядом камин из черного мрамора, а на полке – черные же, похожие на гроб часы. У стены размещался большой застекленный книжный шкаф, полный старых книг, а на нем – ваза с хвощом. Посреди комнаты лежал огромный плетеный ковер. Его узор напомнил Льюису карту Соединенных Штатов, нарисованную сумасшедшим. Мало какого ребенка не оттолкнула бы темная деревянная мебель в старой комнате, но Льюису понравилось. Он подумал, что в таком убежище мог бы ночевать сам Шерлок Холмс.

Мальчик переоделся в пижаму, накинул халат и тапочки и побрел в ванную. Когда он вернулся, Джонатан как раз разжег огонь в камине.

Дядя выпрямился и смахнул хворостинки с жилета.

– Вот и ты, Льюис! Тебе нужно что-нибудь еще?

– Нет, я думаю, все отлично, дядя Джонатан. Комната просто чудесная. Я всегда хотел комнату с камином.

Джонатан улыбнулся. Он подошел к прикроватному столику и зажег лампу.

– Кстати, Льюис, сегодня можно читать сколько хочешь. До школы целых три недели.

– Вряд ли я долго буду читать, мы ведь допоздна играли в карты, – ответил Льюис и зевнул. – Но все равно спасибо. Спокойной ночи, дядя Джонатан.

– Спокойной ночи, Льюис.

Дядя уже выходил из комнаты, но задержался в дверях:

– И вот еще, – добавил он, – надеюсь, все эти часы не помешают тебе уснуть. Они немного шумные, но… в общем, люблю я их. Спокойной ночи.

Мужчина скрылся за дверью.

Льюис застыл с растерянной полуулыбкой на лице. Что-то в этом доме было не так, но он никак не мог сообразить что. Он все вспоминал, как Джонатан оцепенел, услышав бой часов на церковной колокольне; о том, как миссис Циммерман подслушивала, прижав ухо к стене. Странно это.

«Ну что ж, – подумал он и пожал плечами, – иногда люди ведут себя чудно́». Льюис забрался в кровать и выключил свет. Спустя несколько минут включил снова: он вдруг понял, что до сих пор напряжен, взволнован и совсем не может уснуть.

Выбравшись из кровати, Льюис подошел к непрочному на вид бамбуковому книжному шкафу рядом с гардеробом. Сколько же там старых пыльных книг! Он вытащил одну и обмахнул рукавом халата. Потертые блестящие буквы на корешке складывались в надпись:

Джон Л.

Стоддарт

Лекции

_____

Том IX

Шотландия

Англия

Лондон

Открыв книгу, Льюис перевернул несколько гладких глянцевых страниц. Понюхал. Книга пахла тальком. Обычно книжки, которые так пахнут, интересные. Мальчик бросил «Лекции» Джона Л. Стоддарда на кровать и направился к своему чемодану. Порывшись в вещах, он достал длинную узкую коробку мятных конфет в шоколаде. Льюис любил есть конфеты, пока читает, и дома часто оставлял на уголках страниц любимых книг размазанные коричневые пятна.

Спустя несколько минут он уже сидел на кровати, подложив под спину подушки, и читал о том, как шотландская знать убила бедного Давида Риччо прямо на глазах Марии, королевы Шотландии. Стоддард сравнивал Риччо с фиолетовой бархатистой сливой, извергающей во все стороны свои соки. Знать кричала, пинала несчастного и волокла в галерею, где ему нанесли еще несколько ударов ножом. «Пятьдесят шесть ровным счетом», – уточнял Стоддард, хоть и умалчивал, кто именно посчитал раны. Льюис перевернул страницу и откусил кусочек мятной конфеты. Теперь Стоддард рассуждал о стойкости пятен крови и о том, правда ли багровая лужа на полу здания парламента Шотландии сохранилась со времен той расправы. Льюис зевнул, выключил свет и уснул.

Совсем немногим позже мальчик вдруг проснулся. Только что ему снилось, что за ним гонится дама пик, а теперь сон внезапно рассеялся, и Льюис оказался сидящим на кровати. Он был напуган, но не понимал чем.

Скрип, скрип… – кто-то шел на цыпочках по коридору.

Все так же сидя на кровати, Льюис прислушался. Скрип раздался прямо за дверью его комнаты. Затем начал удаляться. *Скрип-скрип-скрип*.

Мальчик соскользнул с кровати. Как можно тише подкрался к двери. Медленно и осторожно приоткрыл ее. Совсем немного. И выглянул в коридор.

В коридоре было темно и пустынно, лишь вдали сквозь окно просачивался тусклый серый свет. Но Льюис все еще слышал, как кто-то двигается. А теперь заметил бледный круг от фонарика, скользящий по обоям. Испугавшись, Льюис захлопнул было дверь, но тут же снова приоткрыл. Луч света замер. Фигура, державшая фонарик, стукнула кулаком по стене – сильно стукнула: Льюис услышал, как кусочки штукатурки посыпались на пол. Затем фигура ударила снова, потом еще и еще. Льюис засмотрелся и открыл дверь пошире.

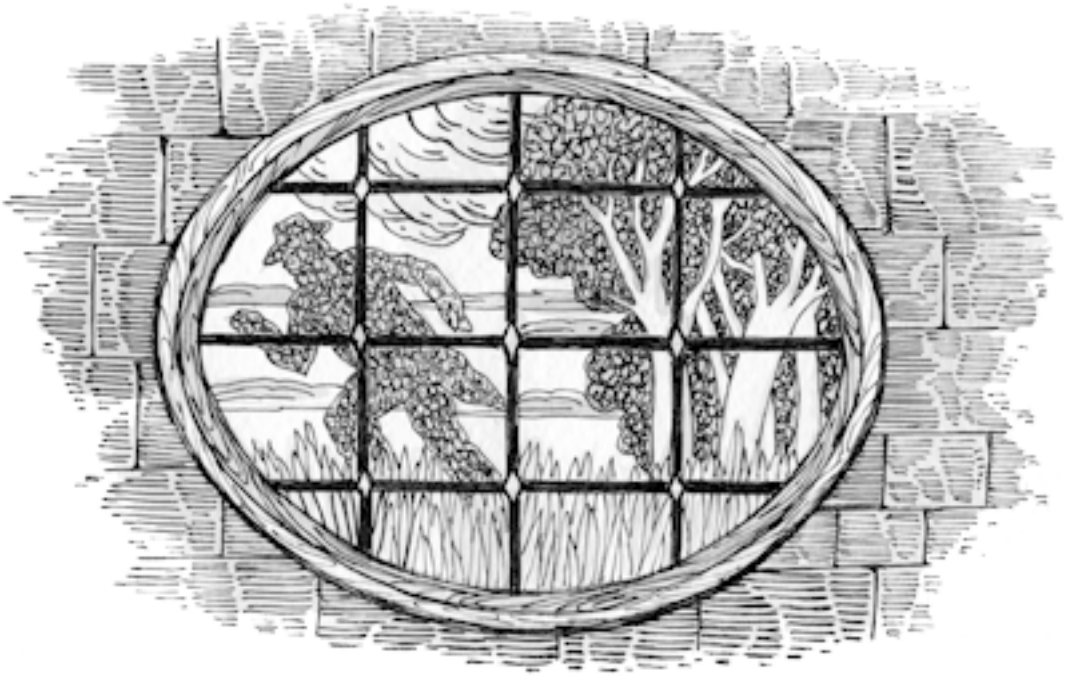
Таинственный нарушитель спокойствия отступил, и Льюис увидел, как на оконное стекло наползла крупная тень. Тень человека с бородой и трубкой во рту. Дядя Джонатан!

Закрыв поплотнее дверь, мальчик прижался к ней спиной и затрясся. Он надеялся, что Джонатан не заметил его. В уме зашевелилась кошмарная мысль. А что если дядя Джонатан… сумасшедший?

Льюис сел в кресло перед камином. Он смотрел, как черные трещины на дровах раскаляются докрасна. Что если дядя и вправду окажется тронутым? Родители предупреждали Льюиса, что от сумасшедших нужно держаться подальше, от всяких типов, которые заманивают в свою машину конфетами с клеем. Или в них был не клей? Льюис не помнил. Но Джонатан совсем не казался одним из *таких*. Или еще бывают те, что пробираются в комнату ночью и вонзают в спящего нож. Льюис вздохнул. Он решил подождать и посмотреть, что будет.

Вернувшись в кровать, мальчик снова заснул и увидел сон, в котором они с Джонатаном бегали кругами по кварталу с церковью, той самой, с мордой на башне. В домах горел свет, но спрятаться нельзя было ни в одном. За ними гналось нечто бесформенное, высокое и темное. В конце концов они остановились у церкви, которая раскачивалась, будто резиновая. Кричащая морда нагибалась все ближе и ближе… а потом картина сменилась. Льюис сидел в комнате, полной блестящих монеток. Он пропускал их сквозь пальцы, а они бряцали и звенели, пока не наступило утро.

Глава вторая



Утром Льюис проснулся со смешанным чувством. Он отлично провел прошлый вечер, но все эти загадки и тайны то и дело вклинивались в счастливую картину.

Мальчик оделся, спустился по лестнице и застал дядю Джонатана и миссис Циммерманн за завтраком. Она, видимо, приходила готовить каждое утро: судя по всему, повар из дяди Джонатана был никудышный. Ну, Льюиса-то это не смущало. Мальчик сел за стол и принялся за сосиски и блинчики, а вскоре уже раздумывал, на что потратить те три недели свободного времени, которые остались до школы.

Совсем скоро он выяснит, что три недели – слишком короткий срок, чтобы как следует изучить Нью-Зибиди и дом номер 100 на Хай-стрит. За это время он едва успеет начать.

Во-первых, город был чудесный. Как раз такой, в котором Льюис всегда хотел жить. Раньше, в Висконсине, мальчику казалось, будто его городок построили буквально вчера; дома все были одинакового размера и вида, а по центральной улице тянулись ряды баров и заправок. В Нью-Зибиди все было совсем не так. Тут и там высились искусно украшенные старые дома. И даже обыкновенные белые домишки с аккуратным крылечком чем-нибудь да отличались: витражным окном или букетиком литых цветов вместо флюгера. Казалось, за каждой дверью таятся секреты.

Иногда Джонатан брал Льюиса с собой на прогулку, но чаще мальчик отправлялся изучать закоулки городка в одиночку. Временами он прогуливался по Мэйн-стрит и разглядывал нарядные ложные фасады магазинов. В одном из домов на верхнем этаже располагался заброшенный оперный зал. Джонатан как-то сказал, что там до сих пор стоят старые декорации, которые подпирают коробки с шоколадками и пятицентовые планшеты. Улица Мейн-стрит заканчивалась каменным мольбертом – монументом в память о жертвах Гражданской войны. На каждом его сочленении и углу был изображен солдат или моряк, грозящий мушкетом, мечом, банником для чистки пушек или гарпуном своему врагу. Там, где на мольберте обычно располагается холст, были выгравированы имена жителей округа Капернаум, погибших в те неспокойные дни. Рядом с памятником стояла невысокая каменная арка – дополне-

ние к монументу, – на которую гравировщики нанесли имена, не уместившиеся на мольберте. Дедушка Джонатана воевал в составе пятого Мичиганского отряда копейщиков, и дядя помнил тьму историй о его похождениях.

Что до дома номер 100, он был так же великолепен, как и город, при этом странным и немного пугающим. В доме располагалась масса комнат, которые стоило изучить: не самые впечатляющие верхние гостиные, более интересные задние спальни, гардеробы, игровые, да и обычные комнаты. Некоторые пустовали, покрытые толстым слоем пыли, другие под завязку были набиты старинной мебелью: столами с мраморными столешницами, скрипучими мягкими креслами на колесиках, со спинок которых свисали салфетки, и даже чучелами куропаток под высокими стеклянными колпаками. В каждой комнате было по камину, облицованному мрамором в тон интерьеру: где-то похожему на сыр дорблю, где-то на ванильное мороженое с шоколадными прожилками, где на зеленое мыло или сливочную помадку.

Однажды днем, поднимаясь по черной лестнице в южном крыле дома, Льюис обратил внимание на витражное окно в стене у одного из пролетов. В доме витражей было много, они украшали вот такие подсобные лестницы, тупики коридоров или ванные, в которые никто давно не заходил. Иногда их можно было найти даже на потолке.

Льюис уже видел это окно. Точнее, он видел другое окно в том месте, где сейчас красовался витраж. Поэтому-то мальчик и остановился.

То, другое окно Льюис хорошо запомнил: большой овальный контур, а в нем томатно-красное солнце садится в морские воды цвета бутылочного стекла. Овальная рама осталась той же, но теперь цветные стеклышки изображали человека, выбегающего из чащи. Лес был сливово-фиолетовый, а трава изумрудно-зеленой. Небо нависало коричнево-красным – цвета полироли для мебели – покрывалом.

Что же случилось с витражом? Неужели дядя Джонатан ходил по дому и менял их? Вот уж странно.

Шкаф для верхней одежды тоже оказался предметом таинственным. Сначала Льюис не заметил в нем ничего необычного: самый обыкновенный шкаф высотой под два метра, с зеркалом, крючками для пальто и шляп и ящиком для резиновых сапог. Но однажды, вешая плащ, Льюис глянул в зеркало и увидел ступенчатую пирамиду Майя в густых зеленых джунглях. Он знал, что это пирамида Майя по своей коллекции слайдов, которые иногда рассматривал через очки-бинокль. Только это изображение не было двухмерным, как на слайде. Льюису казалось, что можно протянуть руку сквозь стекло и потрогать лианы. С дерева на дерево перелетела яркая красная птичка с длинным хвостом. Пирамида подрагивала в слоях жаркого воздуха. Мальчик моргнул несколько раз и снова всмотрелся в зеркало. Там отражался лишь серый непогожий день за окном.

Мальчик долго размышлял о витражах и шкафе. Может, они волшебные? Он верил в волшебство, хотя ему и говорили, что его не существует. Однажды отец целый день объяснял, что привидения – это просто рентгеновские лучи, отраженные от далеких планет. Но Льюис упорствовал в своих убеждениях; а как же лампа Аладдина на обороте карт дяди Джонатана и надпись «Общество волшебников графства Капернаум»? Он был уверен, что корень всех этих загадок – магия.

А еще Льюис был уверен, что прежде, чем приняться за тайну витражей, ему стоит разобраться с другой загадкой. Нужно выяснить, зачем дядя Джонатан каждую ночь бродит по дому с фонарем.

Пока он разузнал только, что странные события его первой ночи в Нью-Зибиди регулярно повторялись. Каждую ночь, как часы пробьют двенадцать, дядя Джонатан на цыпочках прокрадывался вниз, ходил по залам, проверял каждую комнату и запирал двери. Льюис слышал его шаги и наверху, на третьем этаже, куда дядя почти не заходил днем. Затем Джонатан снова

спускался и шарил по углам, то и дело натыкаясь на мебель. Может, он боялся воров? Тогда зачем бил кулаком по стенам? Сквозь стены они пробираются редко.

Льюису было невтерпеж узнать, в чем секрет. И вот однажды, едва минула полночь, он тихо спустился с кровати на дощатый пол. Мальчик старался красться как можно тише, но слегка рассохшиеся доски все равно недовольно поскрипывали. Добраться до двери стоило ему немалых нервов. Несколько раз вытерев потные ладошки об халат, Льюис медленно повернул ручку двери. Глубоко вдохнув и выдохнув несколько раз, он шагнул в темный коридор и зажал рот рукой, чтобы не вскрикнуть: мальчишка наступил на торчащую из пола головку гвоздя. Было не больно, но Льюис боялся столбняка. Успокоившись, мальчик сделал еще один шаг, и по стеночке начал спускаться в зал на первом этаже.

Если вы подумали, что Льюис был не очень талантливым шпионом, то вы угадали: примерно раз в третий врезавшись в позолоченную картинную раму, он услышал, как дядя Джонатан зовет его из одной из дальних комнат.

– Это еще что такое, Льюис? Хватит тут играть в Шерлока Холмса! Доктор Ватсон получился бы из тебя куда лучше. Иди-ка сюда. Я в спальне с зеленым камином.

Льюис порадовался, что его покрасневшее лицо не светится в темноте. Ну, или скорее тому, что Джонатан не злится.

Мальчик двинулся по коридору и добрался до открытой двери. В темноте с фонарем в руке стоял Джонатан. Огонек плясал на каминной полке над часами, черными, как тьма, с золотыми ручками – ни дать, ни взять миниатюрный гроб.

– Доброй ночи, Льюис. Или, скорее, доброе утро. Не откажешься пройтись со мной? – голос Джонатана выдавал напряженность и волнение.

Льюис немного подумал и наконец решился спросить:

– Дядя Джонатан, что это ты делаешь?

– Останавливаю часы. Днем здорово, когда они тикают по всему дому, а вот ночью мешают мне спать. Знаешь, как это бывает, как капающая вода и… и прочее…

Продолжая тараторить, Джонатан повернул часы, просунул руку внутрь и остановил пухлый маятник. Затем знаком показал Льюису идти за ним и, нарочито бодро раскачивая фонарем, двинулся в другую комнату. Льюис шел за мужчиной в полной растерянности.

– Дядя Джонатан, а почему ты не включаешь свет?

Тот ответил не сразу. Тем же нервным тоном дядя неуверенно объяснил:

– Тут, Льюис, знаешь в чем дело… Если вот так ходить и включать-выключать свет, что скажут соседи? И подумай, какие счета придут за электричество. Сейчас ведь приходится платить за целый час, даже если только на секундочку щелкнешь выключателем.

Звучало не очень-то убедительно. Во-первых, по дяде Джонатану сложно было сказать, что его вообще когда-либо интересовало, что подумают о нем и его занятиях соседи. Если бы ему вдруг вздумалось поставить под развесистый каштан одномоторный самолет и посреди ночи, часа в три утра, поиграть на саксофоне, он именно так бы и сделал. Во-вторых, он частенько оставлял настольную лампу в кабинете включенной на всю ночь. Его мало заботили бытовые вопросы, и он вряд ли стал бы волноваться из-за счетов. Льюис, конечно, познакомился с Джонатаном всего три недели назад, но, казалось, уже успел понять, каков его дядюшка.

С другой стороны, не может же он просто так взять и заявить: «Дядя Джонатан, ты явно меня обманываешь». Так что мальчик молча пошел за родственником, в самую лучшую ванную наверху. Тут тоже был камин, из белоснежного кафеля, а на полке стояли маленькие белые пластиковые часы. Джонатан молча отключил их и пошел в следующую комнату, где остановился перед часами из красного дерева с маятником, который работал благодаря трем столбикам ртути и грузику. Затем направился в очередную комнату.

Наконец выключить осталось только древние часы в кабинете. В комнате с высоким потолком по стенам высились книжные полки. Там стояло пухлое, мешковатое коричневое кресло, которое с шипением выпускало воздух, когда в него садятся, и конечно, тут тоже располагался камин, в котором пока не потушили огонь. Часы устроились в углу около раздвижных дверей в столовую, высокие и мрачные. Затухающий огонь в камине играл бликами на тусклом латунном диске маятника. Джонатан потянулся к часам, схватил черный длинный трос. Часы остановились.

Странное путешествие по дому закончилось, и Джонатан погрузился в молчание. Казалось, он о чем-то думает. Потом дядя подошел к камину, пошевелил угли и подбросил еще одно бревнышко. Забрался поглубже в кресло и указал рукой на зеленое кресло сбоку от камина.

– Присядь-ка, Льюис. Давай побеседуем.

Льюис напугался, не отругает ли его дядя за ту нелепую слежку. Но было не похоже. Голос у Джонатана все еще был напряженным, но звучал вполне дружелюбно, да и внешне дядя совсем не казался злым. Льюис сел, наблюдая за тем, как мужчина разжигает кальян. Он был выполнен в виде испанского военного корабля, а чаша наверху – в виде вороньего гнезда на главной мачте. Само судно было заполнено водой, охлаждающей пар, а на носу галеона стоял боцман и курил трубку. Из кормы торчал шланг с черным резиновым мундштуком. Если дунуть в шланг, поднимался дым: от вороньего гнезда – густой колонной, от трубки боцмана – тоненькой струйкой. Если Джонатан случайно наливал в кальян слишком много воды, трубка у боцмана булькала и выпускала несколько пузырьков.

Когда Джонатан наконец раскурил кальян, он набрал полный рот пара, медленно выпустил его и сказал: «Знаешь, Льюис, мне кажется, лучше, чтобы ты немного боялся, чем чтобы думал, что твой сварливый дядя съехал с катушек на старости лет».

– Ты не сварливый, – нахмурился Льюис.

– Зато остальное тебе кажется вполне вероятным, – коротко усмехнувшись, заметил Джонатан. – Ну, после сегодняшнего я бы не стал тебя винить.

Льюис залился краской:

– Нет, дядя Джонатан, я не то имел в виду. Ты ведь знаешь, что я не считаю…

Джонатан улыбнулся:

– Конечно. И все же, наверное, лучше тебе кое-что узнать об этих часах. Не могу рассказать всего, потому что сам до конца не уверен. Порой мне и вовсе кажется, что я не знаю о них почти ничего. Но тем, что мне известно, я поделюсь.

Откинувшись в кресле и положив ногу на ногу, бородач снова выпустил клуб дыма. Льюис подался вперед. Мальчик то сцеплял, то расцеплял руки в нетерпении и все смотрел на дядю Джонатана. Выдержав театральную паузу и медленно затянувшись из кальяна-галеона, тот, наконец заговорил.

– Я не всегда жил в этом доме, Льюис. Сказать по правде, я переехал сюда всего пять лет назад. Раньше я жил на Спрус-стрит, неподалеку от водопроводной станции. Но после смерти владельца этот дом продавали за бесценок, и я смог поселиться по соседству со своей лучшей подругой – миссис Циммерманн.

– А кем был прошлый хозяин дома? – перебил Льюис.

– Как раз хотел рассказать. Его звали Айзек Изард. Инициалы похожи на римскую цифру два – II, ты наверняка замечал их по всему дому. Они выгравированы, написаны или отпечатаны всюду: на обшивке стен, досках пола, внутри буфетов, коробок с предохранителями, на каминных полках. Рассмотри узоры на обоях в коридоре наверху – и там найдешь эти буквы, – Джонатан ненадолго задумался. – Надо их как-нибудь убрать… а, да, что я там говорил? Айзек Изард – странное имя, правда? Миссис Циммерманн думает, что оно пошло от слова «izzard», которым в некоторых частях Англии называют последнюю букву алфавита, «z». Мне прихо-

дится с ней соглашаться, потому что объяснения получше у меня нет, – он затянулся трубкой и устроился в кресле поудобнее. – Итак, я начал говорить, что старик Айзек был колдуном.

– Кем?

Судя по выражению лица, дядя Джонатан вовсе не шутил.

– Этим словом называют ведьм мужского пола, – ехидно пояснил он.

Льюис задрожал. И тут вдруг его поразила неожиданная догадка.

– Ты тоже колдун? – спросил он сдавленным от испуга голоском.

Джонатан посмотрел на мальчика, странно улыбнувшись:

– А что если да? Ты бы испугался?

– Нет. Я к тебе привязался, дядя, так что если хочешь, будь колдуном. Ты ведь от этого не станешь плохим, я уверен.

– Зависит от того, кого назвать плохим, – усмехнулся Джонатан. – Если ты в том смысле, что из меня не выйдет злодея, ты прав. Если же говорить о том, каких высот я могу достичь… Что ж, не уверен. Я салонный фокусник, горазд развлекать публику, хоть и умею побольше, чем вытаскивать кроликов из шляпы и показывать карточные фокусы.

– Например, делать волшебные витражи и вешалки для пальто? – с лукавой улыбкой спросил Льюис.

– Да, именно так. И чтобы уж ты совсем не боялся, сообщу тебе, что миссис Циммерманн тоже волшебница. Хотя в ее случае стоило бы использовать слово ведьма.

– А получше ее назвать нельзя? – робко поинтересовался Льюис.

– Ну, она предпочитает называться ворожеей или чаровницей, но я не могу без смеха выговорить ни одно, ни другое. Для меня она всегда будет старой каргой Флоренс. У нее степень доктора магических искусств, которую она получила в университете Готтингена в Германии. А я всего лишь бакалавр Мичиганского сельскохозяйственного колледжа.

– А что ты изучал? – оживился Льюис. Он как будто проводил собеседование на работу. К тому же было действительно интересно узнать, что изучал дядя Джонатан в колледже. Мама и папа Льюиса оба закончили колледж и часто вспоминали об учебе.

– Что изучал? – Джонатан залился краской. – Ну, что изучал? Сельское хозяйство. Разведение животных и прочее. Я собирался работать на ферме, но потом, когда мой дедушка умер, получил наследство и разбогател. Но вернемся к Айзеку Изарду. Тебе ведь он еще не наскучил?

– Нет, конечно! Расскажи, что дальше. Мне очень интересно.

– Так вот, Айзек был колдуном. Он баловался черной магией – а это худшее, чем может заняться волшебник. Не могу с уверенностью сказать, что уж такого плохого он натворил, но если волшебники могут друг друга оценивать, я бы сказал, что он был злым колдуном. Настоящим злодеем. Миссис Циммерманн со мной согласна. Помнишь, она ведь прожила с ним по соседству много лет. Ты можешь сам ее расспросить, конечно, но, скажу тебе, мы не один вечер провели, стоя в ее саду и глядя на злое лицо Айзека в окне нашей башни. Он держал в руках масляную лампу и ночами напролет смотрел вдаль. Миссис Циммерманн говорит, что он и днем постоянно сидел в этой башне. Похоже, что-то записывал.

– Ох, это и правда странно. А зачем же он что-то записывал?

– Бог его знает, Льюис. Но вряд ли он это делал из благих побуждений. И все же, вернемся-ка к моему рассказу… Наверное, уже поздно, но без часов я не знаю, сколько сейчас времени. На чем я остановился? Ах, да. Старик Айзек умер во время страшного урагана – одного из сильнейших за всю историю округа Капернаум. Если возьмешь газету «Новости Нью-Зибиди», найдешь там заметки: с сараев сносило крыши, деревья вырывало с корнем, а молнии расплавили железные двери гробницы, в которой сейчас покоится Айзек Изард. Как-нибудь надо будет показать тебе ту гробницу. Ветхая уродливая постройка, один из каменных домиков для покойников, которые при жизни пользовались уважением. На нашем кладбище таких

несколько, некоторые очень даже ничего. Свою гробницу семья Изарда построила в 1850-х годах, но она пустовала до своего первого постояльца – жены Айзека, которая умерла раньше него.

– А какой она была?

– Довольно странной, как и полагается даме, которая выбрала себе в мужья Айзека Изарда. Больше про нее ничего не помню, только ее очки.

Льюис посмотрел на дядю долгим взглядом.

– Ее очки?

– Да. Однажды я прошел мимо нее на улице, она обернулась и посмотрела на меня. Может, так солнце отсвечивало, но я крепко запомнил, как на меня упали два луча серого света, холодные и обжигающие, как лед. Я отвернулся и закрыл глаза, но эти два ледяных пятна так и стояли передо мной. Мне еще неделю потом снились кошмары.

– А от чего она умерла? – спросил Льюис, чье воображение рисовало картины падения миссис Изард с обрыва или из окна башни во время урагана.

– От чего? Это была тихая и таинственная смерть. Никаких церемоний. К Айзеку прибыли из пригорода какие-то странные люди и помогли ее похоронить. Потом он стал затворником. Точнее, еще большим затворником. Они оба были отшельниками, но после смерти жены колдун окончательно отгородился от мира. Построил огромный дощатый забор вокруг своего дома и дома миссис Циммерманн. Я его снес, как только въехал, – Джонатан довольно улыбнулся, и Льюис понял, что дяде нравится жить тут, в замке, который для себя возвел злодей Айзек Изард.

– Это все, что известно о нем и его делах? – осторожно спросил Льюис.

– Ой, далеко не все. Мы только подбираемся к самому интересному, – Джонатан чуть помолчал. – Я вот подумал, у меня есть кальян-корабль, а ты сидишь просто так. Пойдем-ка на кухню, раздобудем молока и печенья с шоколадной стружкой. Давай?

– Конечно! – с готовностью согласился Льюис, любивший шоколадное печенье даже больше, чем батончики с нугой.

Через несколько минут они снова сидели в кабинете, хрустело печенье, в камине тихонько потрескивал огонь. Неожиданно с полки упала книга. Хлоп! Затем выпало еще две: хлоп, хлоп. Льюис испуганно оглянулся на темную дыру, открывшуюся среди ряда книг. Оттуда высунулась длинная костлявая рука и начала что-то нащупывать.

Льюис замер от ужаса, но Джонатан лишь улыбнулся:

– Немного влево, дорогуша. Да, вот там. Вот и она.

Раздался щелчок задвижки, часть встроенного в стену книжного шкафа выдвинулась вперед. С полок упали еще несколько книг. В комнате появилась миссис Циммерманн, с ее очков свисала паутина. Один рукав порядком запылился.

– Лучше секретную дверь было не построить, – усмехнулась она. – Особенно мне нравится расположение щеколды – со стороны комнаты, а не входа.

– Так загадочнее, куколка. Как ты, наверное, догадался, Льюис, в доме есть секретный ход. Начинается он за сервантом на кухне. Иди к нам, Флоренс. Я как раз собираюсь рассказать Льюису о часах.

Миссис Циммерманн посмотрела на друга с сомнением, будто спрашивая: «А стоит ли?». Но все же пожала плечами и тоже принялась за молоко и печенье.

– Вкусно, – сказала она, прожевав угощение. – Очень вкусно.

– Она всегда так говорит, потому что сама его и печет, – объяснил Джонатан, взяв себе еще парочку.

– Итак, раз все заняты печеньем, я продолжу рассказ. На чем я остановился? Ах, да. Так вот, я переехал, когда понял, что здесь дело нечисто. Тут всегда было тихо, как будто дом к чему-то прислушивается. И потом я понял, к чему.

– К чему же? – подал голос Льюис, от волнения снова сползший на самый краешек кресла. Он даже забыл про печенье.

– К часам. Знаешь, как это бывает? Сидишь в комнате, часы тикают, и можно долго их не замечать. А стоит только стихнуть остальным звукам – ты и сам не заметишь, как вдруг… вот оно!

– Где? – Льюис вскочил, испуганно оглядываясь по сторонам.

Джонатан рассмеялся:

– Нет, нет, я не хотел тебя пугать. Я имею в виду, что потом вдруг я услышал, как в этой комнате тикают часы. Казалось, бой раздается прямо из стены. Если хочешь, пойди вот к той стене и послушай сам.

Льюис направился к рядам книг. Прислонил ухо к кожаным корешкам и прислушался. И широко раскрыл глаза.

– Они там, дядя Джонатан! И правда там! – открытие было волнующее, но удивленное выражение на лице Льюиса внезапно сменилось испугом. – А зачем это, дядя Джонатан? Зачем в стене часы?

– Не имею решительно никакого понятия, – ответил Джонатан. – Но я определенно хочу от них избавиться. Вот зачем мне все остальные часы. Не сказать, чтобы я обожал постоянное тиканье и внезапный ежечасный набат. Но мои часики мне нравятся больше, чем этот подарочек от колдуна.

Джонатан приуныл. Потом встряхнул головой, с трудом выдавил улыбку и продолжил:

– Ты, наверное, хочешь спросить, почему я не пробью стену и не вырву оттуда эти часы. Что ж, такой подход вряд ли сработает. Звук такой, будто эти часы прячутся за всеми стенами одновременно: на чердаке и в подвале, в гардеробных, подсобках и залах. Иногда их ход будто замедляется. Я надеюсь, однажды они остановятся. Но потом стрелки снова начинают идти как обычно. Не знаю, что и делать, – голос дяди теперь выдавал нотки отчаяния. На минутку Льюису показалось, что мужчина готов расплакаться. А потом влезла миссис Циммерманн.

– Послушай, чего тебе не нужно делать, Джонатан Барнавельт. Не нужно пугать Льюиса тем, о чем сам не имеешь понятия. В конце концов, тиканье часов может объясняться остаточной магией от экспериментов старого недоумка. Или это и вовсе жуки-точильщики. Или какая-нибудь иллюзия вроде шепота в галереях некоторых домов. У меня в голове тоже какой-то голос то и дело напевает что-то. Сначала слышится «пум-пум-пум», а потом и нет ничего.

Джонатан выглядел раздраженным.

– Ох, Флоренс, не надо притворяться. И ты, и я оба знаем, что это не что-нибудь безобидное. Я бы не стал рассказывать ничего Льюису, если бы просто хотел его напугать. Но мне кажется, будет гораздо лучше рассказать ему про часы, чем позволить думать, что его дядюшка вот-вот съедет с катушек. Понимаешь, он видел, как я обхожу дом по ночам.

– Раз так… – протянула миссис Циммерманн. – Не знаю, как там насчет рассудка, но дяде Джонатану пора отправляться в кроватку, если уж он намерен завтра устроить нам пикник. Она покопалась где-то в складках платья и вытащила серебряные часы на длинной цепочке. Открыв их, миссис Циммерманн объявила, что уже четвертый час ночи.

Джонатан удивленно поднял на нее глаза:

– Уже? Боже мой, а я и не представлял…

– Дядя, пожалуйста, расскажи мне еще кое-что, – перебил Льюис. – Можешь ответить на один только вопросик?

– Конечно, Льюис. Спрашивай.

Льюис заметно смутился, но все же задал вопрос:

– Ну… раз остальные часы должны заглушать те, что в стенах, зачем останавливать их на ночь?

Джонатан вздохнул.

– Я не каждую ночь их выключаю. Иногда просто хожу по дому и заглядываю в каждую комнату. Меня это почему-то успокаивает. Не могу объяснить почему. Но иногда, как сегодня ночью, мне просто необходимо прекратить это чертово тиканье. В такие моменты мне кажется, что если удастся погрузить в тишину весь дом – в ненарушаемую тишину, – то я смогу расслышать те самые часы, волшебные, и понять, за какой именно стеной они спрятаны или в каком тайнике. Но ничего не выходит, и тогда мне кажется, что я почти сошел с ума.

Льюис все равно выглядел растерянным.

– Но если часы волшебные, – уточнил мальчик, – то они должны быть невидимыми, разве не так? Точнее, это ведь должно быть нечто такое, что нельзя потрогать.

Джонатан отрицательно помотал головой:

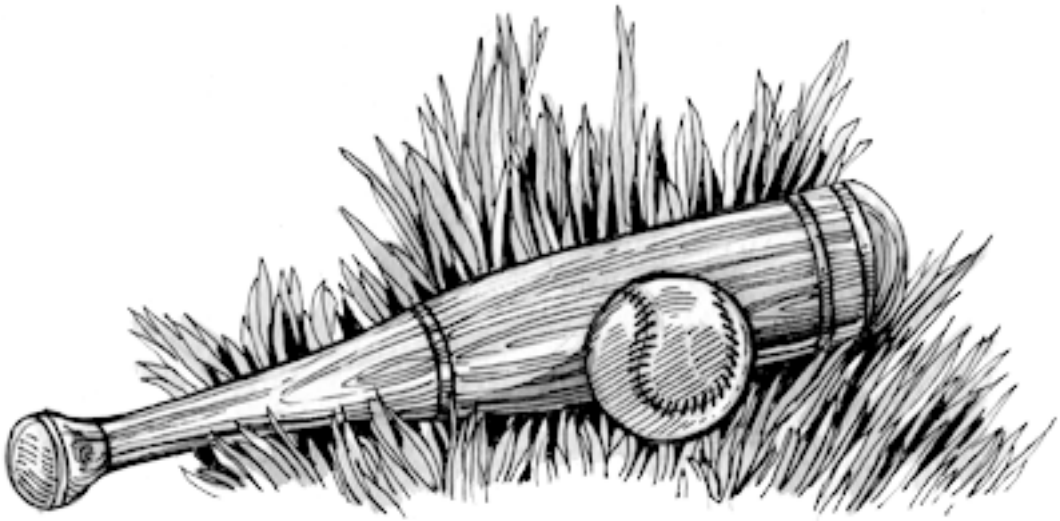
– Не совсем так, Льюис. Волшебство творят с помощью обычных, реальных предметов. На них накладывают заклятья. Одна моя знакомая ведьма вот какое проклятье наложила на своего врага: оставила его фотографию под сливом для дождевой воды. По ее задумке, враг должен был погибнуть, когда с карточки вымоется его лицо. Очень распространенный метод. Так что нет, Льюис. Эти часы такие же настоящие, как наши старые напольные часы с маятником. Только заколдованные. Но что это за колдовство и для чего оно, ума не приложу.

– Зато я кое-что знаю наверняка, кучерявая ты борода, – вклинилась миссис Циммерманн, раскачивая часы на цепочке, как маятник, перед глазами дяди Джонатана, – и вот что: если мы все хоть ненадолго не сомкнем глаз, завтра будем как вареные раки… Льюис, бегом в кровать. Джонатан, и ты тоже. Я сполосну тарелки из-под печенья и уберу молоко.

Уже у себя в комнате Льюис встал посреди ковра и принялся разглядывать цветочный узор обоев у камина. Потом решительно подошел к стене и приложил ухо. Да, он тоже слышал, как где-то там, в глубине, тикают часы. Затем мальчик прижал ухо к другой стене. И там слышалось то же самое.

Льюис вернулся в центр комнаты. А потом начал бродить туда-сюда. Он делал широкие шаги, сцепив руки за спиной, как делал его отец, когда был чем-то расстроен. Льюис ходил туда и обратно, пытаясь рассуждать логически. Но логика мало помогала в доме, где за каждой стеной тикали одни и те же часы, так что мальчик бросил это занятие. Запрыгнув в кровать, он наконец уснул.

Глава третья



Во второй понедельник сентября Льюис отправился в школу и вскоре совсем позабыл про таинственные часы в стенах. Ему хватало своих проблем.

Эти трудности не были ему в новинку: они преследуют полного мальчика, который не умеет играть в бейсбол, куда бы он ни направился. У Льюиса всегда был лишний вес, другим он себя не помнил. Всю свою жизнь – все 10 лет – он слышал, как дети кричали:

Пышка-кубышка, метр на полтора
Не пролезет в дверь, что в кухню со двора!

Иногда ему хотелось поколотить своих обидчиков, но силенок у него было мало, да и боксировать он не умел. В этом крылась еще одна его проблема. Но гораздо хуже было не уметь играть в бейсбол. Льюис все еще неправильно отбивал мяч и постоянно выпускал из рук биту. Поначалу он пытался заранее извиняться и предупреждал: «Осторожно, сейчас бита улетит!». Но другие дети отвечали в обычной манере: «Послушай, биту ты отпускаешь каждый раз, и за это мы тебя отмутузим. Держи ее крепко, когда замахиваешься по мячу, или не играй!».

Льюис слышал это всегда, когда его звали играть, что, впрочем, бывало нечасто. Когда мальчик просился в игру, его выбирали в команду последним, а капитан, которому он доставался в подопечные, выдавал что-нибудь вроде: «Ну и что, мне обязательно его брать? Отбивать не умеет, до первой базы не доберется, подавать не умеет. Он даже бегать не умеет. Да ну его, лучше одного игрока не досчитаемся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.